
ИСТОРИЯ ЛОГИКИ

---

*Алексей Круглов*¹

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ФРОНТИСПИСОВ КАК ОСОБОГО ВИЗУАЛЬНОГО СРЕДСТВА В УЧЕБНИКАХ ЛОГИКИ НОВОГО ВРЕМЕНИ²

Аннотация. В статье представлены основные этапы процесса формирования фронтисписа как особого визуального средства в учебниках по логике Нового времени — от отдельных книжных иллюстраций внутри текста к так называемым листовкам-плакатам и плакатным тезисам, а от них — к фронтисписам. Основные отличия указанных видов визуальных средств продемонстрированы на примере использования одного и того же образа парусного корабля на гравированном титульном листе «Нового Органона» (1620) Ф. Бэкона, в плакатной листовке Ж. Шерона (1622), в плакатных тезисах Б. Крёнера (1669) и во фронтисписе «Маяка рассудка» (1697) С. Гроссера.

Ключевые слова: фронтиспис, визуальное средство, учебники логики, С. Гроссер, Ж. Шерон, Б. Крёнер, Ф. Бэкон, аристотелизм.

Alexei N. Krouglov

THE ORIGIN OF FRONTISPIECES AS SPECIAL VISUAL AIDS IN LOGIC TEXTBOOKS OF THE EARLY MODERN PERIOD

Abstract. The paper presents the main stages of frontispieces formation that are seen as special visual aids in logic textbooks of the Early Modern Period: from separate book illustrations inside the text to so-called broadsides and thesis prints, and from them to frontispieces. The main differences between these types of visual aids are demonstrated using the same image of a sailing ship on the engraved title of F. Bacon's "Instauratio magna" (1620), in J. Chéron's broadside (1622), in B. Kröner's thesis print (1669) and S. Großer's frontispiece "Pharus intellectus" (1697).

---

¹*Круглов Алексей Николаевич* — доктор философских наук, профессор кафедры истории зарубежной философии философского факультета Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ).

Alexei N. Krouglov, DSc in Philosophy, professor, Department of History of Foreign Philosophy, Faculty of Philosophy, Russian State University for the Humanities (RSUH).
akrouglov@mail.ru

²Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 20-011-00227а, «Визуальное представление логического знания: о месте логики в когнитивных исследованиях».

Keywords: frontispiece, visual aids, logic textbooks, S. Großer, J. Chéron, B. Kröner, F. Bacon, Aristotelianism.

Введение

За период нескольких последних столетий, т. е. за то время, когда книгопечатание приобрело широкий размах и стало чем-то привычным и доступным, известно немало случаев, когда выбранное автором или издателем название существенно способствовало распространению книги или, напротив, ее ложному толкованию. Полные названия трактатов немецких философов с конца XVII и до 70-х годов XVIII века, отражающие эпоху барокко, нередко были предметом язвительных насмешек. Составляющие порой небольшой абзац текста, они в силу чрезмерной детальности и подробности далеко не всегда способствовали прояснению основных намерений и замыслов автора: «Набросок необходимых истин разума, в той мере в какой они противоположены случайным истинам» (Crusius 1766), «Разумные мысли о Боге, мире и душе человека, а также всех вещах вообще, сообщенные любителям истины бароном Христианом Вольфом» (Wolff 1754; Вольф 2001)... Впрочем, если читатель все же мог пробраться сквозь этот частокор, то подобные заковыристые названия обретали свой смысл — так, в вышеупомянутом названии так называемой «Немецкой метафизики» Вольф четко обозначил четыре ее главных предмета. Примеры подобных заглавий — как более, так и менее удачных — можно перечислять довольно долго. Как и почему сложилась такая традиция — вопрос отдельный. Но одним из тех, кто решительно покончил с этой традицией, был Иммануил Кант, обладавший редким даром давать своим произведениям очень краткие и броские названия: «Критика чистого разума», «Критика практического разума», «Спор факультетов», «К вечному миру»... Правда, и эти яркие заглавия несли с собой немало иных трудностей. Сопоставление титулов первой и второй «Критики» до сих пор ставит в тупик кантоведов. А от звучащего заглавия кантовской «Религии в пределах одного только разума» и по сей день в разные стороны расходятся круги непонимания и превратного толкования. В духе процитированного в «Критике чистого разума» Жана Террасона можно было бы сказать не только о некоторых книгах, но и об их заглавиях: «...они были бы значительно короче, если бы они не были бы так коротки» (Kant 1781: A XVIII; Кант 1994: 12).

Традиция обстоятельных заглавий философских трактатов накладывала определенный отпечаток и на споры того времени о предмете и задачах той дисциплины, которую ныне как правило обозначают при помощи слова «логика». Вопрос о предмете и задачах логики является, несмотря на ряд определенных сложившихся конвенций, дискуссионным и сегодня. Если же мы перенесемся на три века назад,

то степень разногласий в этом отношении была несопоставимо больше, нежели это имеет место в наши дни. Современный читатель, не разбирающийся в тонкостях и перипетиях немецкой философии начала XVIII века, даже не всегда сможет по заглавиям опознать логические произведения — настолько вычурно для него будут они звучать и так мало они будут вызывать ассоциаций с нынешней логикой.

Большинство данных трактатов по меркам нынешнего времени не являлись какими-то прорывными научными исследованиями с гениальными озарениями в духе Готфрида Вильгельма Лейбница. Многие из них представляют собой университетские учебники тех или иных профессоров, для которых логика никогда не была ни главным, ни единственным их занятием. Тем не менее, с точки зрения формирования современных представлений о предмете и задачах логики все эти трактаты имеют немалый интерес, ибо они, с одной стороны, показывают процесс складывания некоего будущего доминантного представления, а с другой стороны, демонстрируют также и отвергнутые альтернативы.

Особую наглядность этому процессу придали фронтисписы логических трактатов. Для того чтобы при столь громоздком заглавии заявить о своем понимании логики наглядно и доступно, многие философские авторы того времени охотно прибегали к этому забытому ныне средству. Некоторые важные особенности фронтисписов, складывания традиции их употребления в логических трактатах будут представлены ниже при сопоставлении этого визуального средства с его предшествующими формами.

I. От книжных иллюстраций внутри текста, листовок-плакатов и плакатных тезисов — к фронтисписам

Несмотря на широкое распространение в эпоху немецкого Просвещения, сами фронтисписы не стали в то время предметом какой-либо рефлексии. Главный энциклопедический источник того времени — «Большой универсальный лексикон» Цедлера — не знает такого понятия в отношении книжной продукции (слово «Frontispitium» отсылает в нем к архитектурному понятию «Fronton») (Zedler 1735: 2167). Их изучение началось лишь в конце XX в., и настоящим первопроходцем здесь оказался В. Шнайдерс, посвятивший в своей монографии обширную главу теме «Иллюстрация и образ философии» (Schneiders 1990: 49–110). Если же выйти за границы логики и бросить взгляд на собственно философские трактаты, то как минимум два философских произведения анализировались в том числе с точки зрения их хоть и не фронтисписов, но гравированных титульных листов — «Новый Органон» Фрэнсиса Бэкона и «Левиафан» Томаса Гоббса (Schneider 2008: 547–553; Martinich 2003: 362–368; Bredekamp 2007: 30–33) [см. рис. 1–2]. Возникшие исследования, посвященные иллюстрациям в философских работах Нового времени, позволяют пролить некоторый свет и на то, как в общих чертах сформировалась эта иллюстративная философская манифестация в логических трактатах.

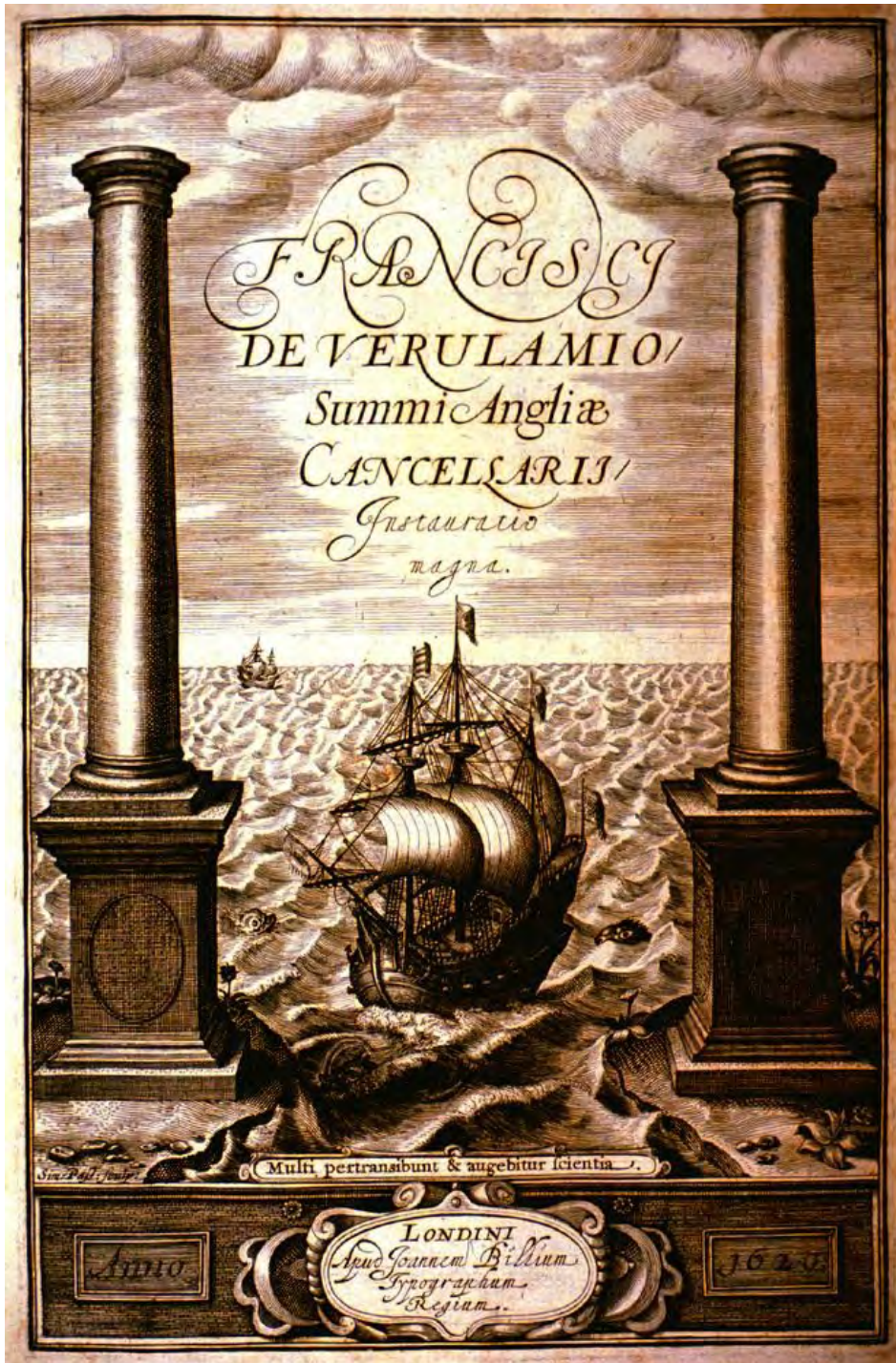

Рис. 1: Гравированный титульный лист издания: *Bacon F. Instauratio magna.* London, 1620

Рис. 2: Гравированный титульный лист издания: *Hobbes Th. Leviathan or the Matter, Forme and Power of a Commonwealth Ecclesiasticall and Civil*. London, 1651

Многие логические трактаты XVI и XVII вв. редко были иллюстрированы. Главным образом, в них встречались небольшие декоративные рисунки на титульном листе и внутри текста: заставки, концовки, рисунки на полях и пр. Особой смысловой нагрузки они не несли, и уж тем более они не носили программного характера [см. рис. 3–4].

Рис. 3: Иллюстрации из издания: *Zabarella G. Opera logica. Venetia, 1578.* Титульный лист и р. 277

Новый иллюстративный этап наступил, когда стала выпускаться печатная продукция совсем иного рода нежели пухлые книги, хотя хронологически это происходило практически в то же самое время. Оригинального названия для подобных произведений не существовало. *Post factum* же их характеризуют как иллюстрированные листовки (*illustrierte Flugblätter*) или как плакаты, постеры (*broadside*). Они представляли собой напечатанную на одном листе (или склеенном из двух напечатанных) иллюстрацию, которая обычно служила целям научного диспута. Логическим плакатам такого типа на богатом иллюстративном материале посвящено недавнее исследование С. Бергер (*Berger 2017; Berger 2018: 94–98*).

Композиционно эти иллюстрации могут отдаленно напомнить такие известные картины того времени, как «Нидерландские пословицы» (1559) или «Детские иг-

Рис. 4: Иллюстрации из издания: *Jungius J. Logica Hamburgensis, hoc est, Institutiones Logicae*. Hamburg, 1638. Титульный лист и р. 272

ры» Питера Брейгеля Старшего. Однако между картинами Брейгеля и логическими плакатами раннего Нового времени имеется одно существенное отличие — нидерландский художник не подписал на картине ни поговорки, ни детские забавы, а поэтому их и по сей день разгадывают искусствоведы и любители. Логические же плакаты, напротив, содержали краткие доходчивые подписи и изречения — иногда в стиле современных комиксов, хотя по содержанию у них зачастую был библейский или аристотелевский подтекст. Порой некоторые детали иллюстрации напоминают — по крайней мере сегодня — некие ребусы, другие же выглядят довольно очевидно. Тем не менее сам рисунок содержит столько деталей и настолько замысловат, что его разглядывание занимает весьма продолжительное время. Они с лихвой превосходят в своей обстоятельности и пространности заглавия философских и логических трактатов немецких просветителей. Цель, которую преследовали такие иллюстрации — на одном листе дать изображение как если бы всей логики аристотелизма того времени. Это оказывался и дидактический материал, и некое удобное мнемоническое средство, и назидание. Несмотря на очень важную роль самих иллюстраций — а в этой связи некоторые исследователи да-

же предпочитают говорить о некоем «визуальном мышлении» (visual thinking³), — эти изображения не носили явного программного характера, не демонстрировали самую важную, ключевую мысль, а иллюстрировали пусть и важные, но все же только отдельные стороны и аспекты, а то и вовсе отдельные примеры.

Дальнейшее развитие этого плакатного искусства привело к определенной трансформации: соотношение текста и изображения стало немного смещаться в пользу текста, а сам рисунок приобретал более простую стандартизированную композицию, из которой были устранены перегружающие его многочисленные детали. Историки искусства *post factum* стали называть такое произведение печати «Thesenblatt»⁴. Это были напечатанные на одном единственном листе увеличенного формата тезисы диспута или защиты диссертации, украшенные различного рода иллюстрациями, используемые и как афиши, и как приглашения, и как наглядный материал во время самих торжественных научных мероприятий.

В Западной Европе подобные плакатные тезисы отличались по своему характеру в католических и протестантских регионах — если у протестантов они были весьма скромны, а иллюстративный материал был сведен к минимуму, то у католиков они нередко представляли собой красочные картины, причем наиболее распространены такие примеры были в среде иезуитов. С течением времени плакатные тезисы — а распространены они были в XVI–XVIII вв. — все больше принимали шаблонный и трафаретный характер, при котором в типовой рисунок с предназначенной для этих целей рамкой вписывался соответствующий текст тезисов. На плакатных тезисах обязательно были напечатаны защищаемые тезисы, а довольно часто еще и участники диспута, место и время его проведения. Особенностью таких плакатных тезисов было также практически обязательное изображение патрона или мецената (Appuhn-Radtke 2020). Если проводить грубые аналогии с сегодняшним днем, то это был автореферат диссертаций на соискание ученых степеней, сведенный до тезисов, выносимых на защиту, обрамленный теми или иными подходящими для них рисунками, сверху же или внизу содержались строчки, воспроизводящие титульный лист и информацию со второй страницы автореферата об оппонентах, месте и времени защиты и прочем. Другой грубой аналогией сегодняшнего времени могли бы являться так называемые постерные доклады на конференциях, в которых нередко содержатся как краткий текст, как поясняющие иллюстрации, так и указание на патронов (научные фонды и университеты).

Вероятнее всего, в России такой формат в XVIII веке практически не встречался — точнее, он был еще скромнее нежели у протестантов, что означало отсутствие изображения как такового. Примером здесь могут служить «Положения филосо-

³Как минимум начиная с работы (Arnheim 1969).

⁴В отличие от автора данной статьи, большинство исследователей не проводит различия между листовками-плакатами и плакатными тезисами, относя первые в качестве разновидности ко вторым.

фические» 1775 года иеромонаха Дамаскина, префекта и профессора философии Московской духовной академии, в миру — получившего образование в Славяно-греко-латинской академии и университете Геттингена Д. Е. Семенова-Руднева [см. рис. 5]. Они напечатаны на одном листе, содержат тезисы публичных философских состязаний, в них указана дата — 12 июля 1776 года, место — Московская духовная академия, и в них содержится посвящение митрополиту Платону, в миру — П. Г. Левшину. Отличий же в сравнении с западноевропейскими вариантами здесь, пожалуй, два: наряду с латинским текстом, тезисы приведены еще и в русском переводе, а иллюстративная часть как таковая отсутствует, если не считать декоративной рамки.

Рис. 5: Дамаскин (Семенов-Руднев Д. Е.). Положения философических. Из предувведомлений о философии, из логики, и метафизики для философских состязаний в Московской академии 1776 года июля 12 дня, публично предложенныя... М., 1776

До тех пор пока не стали активно использоваться шаблоны, между текстом тезисов и иллюстрациями обычно имела тесная смысловая связь. Диспуты про-

водились в а́улах университетов или в парадных залах монастырей. Сами тезисы — если речь шла о философии (включая и логику), а не о праве или теологии — брались, как правило, из господствовавшей тогда аристотелевской философии. По сравнению с современным пониманием диссертации и ее защиты, те диспуты имели иную цель — не утверждение некоего нового открытого диссертантом знания, полученного им в ходе самостоятельного исследования, а защита с помощью умелых аргументов и возможных возражений со стороны присутствующей публики хорошо известных положений господствующей философии.

Фронтисписы в логических трактатах XVII–XVIII вв. имели как сходства, так и различия с плакатами и плакатными тезисами. Сам фронтиспис располагался перед титульным листом, составляя с ним определенное единство, нося программный характер, относясь ко всему трактату в целом и в наглядной форме донося до читателя главную, ключевую идею автора. В той мере в какой можно сравнивать текст и изображение, фронтиспис был проще и яснее заглавия произведения. При этом сам трактат, как предполагалось, носил некий инновационный характер, а отсылка к патрону или меценату хоть часто и присутствовала в книге, но не на фронтисписе, а в специальном посвящении.

Для того чтобы продемонстрировать определенную разницу между этими тремя формами иллюстраций, я обращусь к одному и тому же сюжету — изображению корабля и его философскому толкованию.

II. Плакат-листочка Жана Шерона (1622)

В качестве иллюстрации логического плаката-листочка я возьму произведение кармелита Жана Шерона (1596–1673) «Схема необходимости логики для понимания других сфер наук», опубликованное в 1622 году (Chéron 1622)⁵ [см. рис. 6]. Его композиция не обозрима единым взглядом, требует длительного изучения и довольно подробно иллюстрирует логику позднесхоластического аристотелизма. Плакат, как об этом говорится в правом нижнем углу, предназначался для защиты. Внизу изображен и сам автор с группой учеников у трона, на котором восседает логика с ключом, ведущим через три двери при должном усердии и упорстве к храму мудрости, в который ведет четвертая дверь. У подножия трона значится, что он есть врата всех знаний, над тронем логики начертано, что она является просто спекулятивной наукой (*Logica sci[enti]a est simpl[icite]r speculat.[iva]*), а на первой двери написано, что обнаруживший ее находит мудрость.

⁵См. цифровую копию в высоком разрешении: <https://dpul.princeton.edu/pudl0135/catalog/rj4307317> (дата обращения: 25.05.2020). В дальнейшем Шерон опубликовал обширную работу по мистической теологии с витиеватым заголовком в духе своего времени (Chéron 1657).

Рис. 6: Chéron J. Typus necessitatis logicæ ad alias scientias capeSSendas. Paris, 1622

Пройдя сквозь нее, изучающий попадает в замкнутое пространство первой операции ума по образованию понятий, которая «не является ни истинной, ни лож-

ной» (*res vera res falsa est*). Справившись с первой операцией ума, можно подступить ко второй двери, на которой начертано: «Определение – первая служанка мудрости» (*Defini[ti]o I.^a ancilla sapi[enti]ae*). Дама, которая держится за ее ручку, заявляет: «Я раскрываю природу вещей» (*Resum natura[m] pando*). Миновав эту дверь, учащийся оказывается во втором замкнутом пространстве второй операции ума по связыванию простых терминов (*2^a opera[ti]o simpl[ic]es nectit terminos*). Преодолев и это пространство, обучающийся оказывается перед третьей дверью, на которой значится: «Разделение — вторая служанка мудрости» (*Divi[si]o 2^a ancilla sapi[enti]ae*). Комментарий приоткрывающей ее дамы гласит: «Я разделяю все на части» (*Totum in partes solvo*). Пройдя сквозь эту дверь, попадаешь в сферу третьей операции ума, которая иллюстрируется различными плавательными средствами, на которых я в дальнейшем и сконцентрируюсь⁶ [см. рис. 7].

Рис. 7: Фрагмент А иллюстрации из издания: *Chéron J. Typus necessitatis logicae ad alias scientias capessendas*. Paris, 1622

Итак, над «разделительной» дверью располагается трехликая фигура женщины, олицетворяющая три направления силлогизма: «Силлогизм является предметом логики» (*Sil[logis]mus est obiectum logicae*). Этим трем ликам и направлениям соответствуют три корабля. Центральный корабль трехпарусный, и паруса эти

⁶Желающих получить комментарии к остальным частям иллюстрации, равно как и познакомиться с источниками, воодушевившими Шерона, я отсылаю к исследованию С. Бергер (Berger 2017), на которое я здесь и опираюсь.

– большая, меньшая посылка и заключение силлогизма. Над центральной мачтой висит фигура женщины, олицетворяющей рассудок (Intellectus), а на корме восседает дама с ключом от двери в храм мудрости, производящая знания (Facio scire). На носу корабля расположилась воля (Voluntas), призванная показать, что в случае правильности силлогизма она не в силах препятствовать принятию заключения (Volu[n]tas no[n] po[tes]t impedire assensu[m] conclu[sion]is). Корабль вооружен четырьмя пушками, названными правильными модусами первой фигуры силлогизма: Barbara, Celarent, Darij и Ferio [см. рис. 8].

Рис. 8: Фрагмент В иллюстрации из издания: Chéron J. Typus necessitatis logicae ad alias scientias capessendas. Paris, 1622

За собой на привязи корабль тянет три лодки, плетущиеся у него в хвосте и не могущие плыть самостоятельно: пример, энтимему и индукцию, не способных самостоятельно произвести знания без необходимого силлогизма (Non faciunt scire nisi vi silogismj n[ecess]arij) [см. рис. 9]. Над кораблем-силлогизмом читает-

ся важная надпись: «Доказательство — третья служанка мудрости» (3^a Ancilla sapi[ent]iae demonstratio).

Рис. 9: Фрагмент С иллюстрации из издания: *Chéron J. Typus necessitatis logicae ad alias scientias capessendas*. Paris, 1622

Правый небольшой одномачтовый корабль с большим количеством весел означает силлогизм, который приводит не к доказательному знанию, а к мнению. У мачты с крестом в руке восседает вера (Fides), за ней с раскрытой книгой расположилась наука (Sc[ient]ia), а на самом носу — мнение (Opinio) с шестом в руках. О том, что корабль плывет не в самом плохом направлении, свидетельствуют две надписи над ним: наука и мнение могут одновременно пребывать в рассудке (Sc[ient]ia et opinio possunt esse simul intellectu), а топка все же стремится к истине (Topica nititur ad veritates) [см. рис. 10].

Иначе обстоит дело с одномачтовым безвесельным кораблем слева, начинающим терпеть крушение и представляющим собой софистический силлогизм. Надпись на корабле гласит: «Софистика склонна к ошибкам» (Sophistica vergit in errorem). В лодке — пять вооруженных людей, и оружие их — это опровержение (Redargutio), ложность (Falsum), парадокс (Paradoxu[m]), солецизм (Sole[cis]mus) и пустословие (Nugatio). Парус порван, мачта сбита, из пушки Варбара доказательного корабля в сторону софистического корабля летит ядро, а в воде вокруг — тонущие люди. Назидательная надпись над софистическим кораблем гласит о том, что мудрость среди софистов подстерегают опасности (Apud improbos lacessita est periculis sapi[ent]ia), признательная надпись тонущих говорит о том, что «мы сбились с пути истины» (Errauimus a via veritatis), и в назидание им другая надпись под кораблем сообщает о том, что они не предприняли необходимых усилий, дабы понять все пути мудрости (O[mn]es vias eius i[n]te]lligere noluerunt) [см. рис. 11].

Рис. 10: Фрагмент D иллюстрации из издания: *Chéron J. Typus necessitatis logicae ad alias scientias capessendas.* Paris, 1622

Рис. 11: Фрагмент E иллюстрации из издания: *Chéron J. Typus necessitatis logicae ad alias scientias capessendas*. Paris, 1622

К храму мудрости-философии, на котором начертано «Мудрость соорудила себе храм» (*Sapientia aedificavit sibi domum*), на вратах которого значится «Блажен кто узрел мои врата» (*Beatus qui vigilat ad fores meas*), и внутри которого царит редкое согласие и гармония (*Rara concordia*), ведет лишь корабль доказательного силлогизма.

Благодаря описанному плакату мы можем узнать, что логика служит изучению всех остальных наук, ведет в конце концов к философии как мудрости, что на этом пути имеются три операции ума с их детальным изображением. Изучение и толкование этого плаката занимает время, сопоставимое с чтением небольшого трактата. Одной ключевой идеи — тем более идеи новой, полемически заостренной против оппонентов — эта иллюстрация не несет, а главная ее цель — дидактика и поучение.

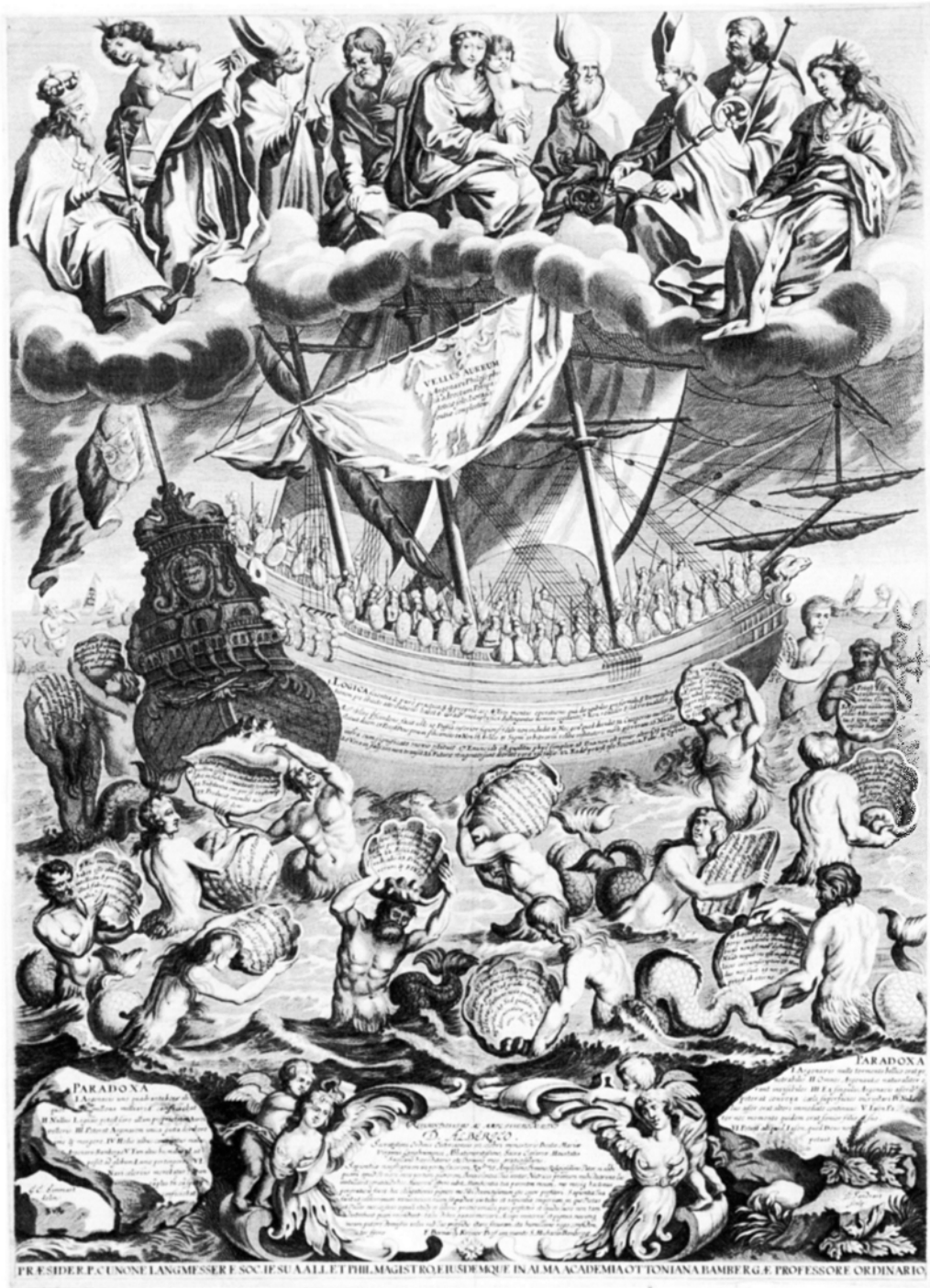

Рис. 12: Thesenblatt zu der Disputation „Vellus aureum Argo navi philosophica advectum peripateticae selectiora scientiae complectens“. Bamberg, 1669. Praeses P. C. Langmesser, defendet F. V. Kröner (Benediktinerabtei St. Michael)

III. Плакатные тезисы Бернарда Крёнера (1669)

Плакатные тезисы из Бамберга 1669 года, которые под председательством К. Лангмессера спустя почти полвека после Шерона защищал бенедектинец Бернард Крёнер, изображают в центре трехмачтовый корабль аргонатов, которые уже возвращаются с золотым руном [см. рис. 12].

Это руно можно видеть на парусе на рее центральной мачты (*Vellus aureum*), и оно символизирует здесь, вероятно, удачно защищенную в ходе диспута аристотелевскую философию, охватывающую все отдельные науки. На борту корабля изображены 22 тезиса по логике (*Logica*), а сам корабль плывет, окруженный различными морскими существами, главными из которых оказываются раковины, содержащие в себе текст других тезисов — в общей сложности помимо логических плакат насчитывает еще 23 тезиса по метафизике, 29 тезисов по физике и 12 тезисов различной тематики (*Paradoxa*)⁷. Дева Мария с младенцем на руках, Иосиф обручник, Св. Екатерина Александрийская — покровительница философии и Бамберга, Кунигунда Австрийская с лемехом, кайзер Генрих и епископы одобрительно наблюдают за плаванием корабля с небес. На флаге корабля изображен герб покровителя плакатных тезисов А. Земмельманна, аббата монастыря цистерцианцев в Лангхайме, которому они и посвящены⁸.

По сравнению с плакатом Шерона явно заметны отличия. Соотношение изображения и текста явно стало смещаться в пользу текста, сам текст представляет собой законченные тезисы, а не отдельные реплики изображенных персонажей. Смысловая иллюстрация в узком смысле слова сведена почти до минимума, хотя основное ее послание легко считывается и не требует пристального разглядывания. Количество и положение персонажей, не имеющих прямого отношения к самому диспуту, напротив, резко возросло, образуя самостоятельную часть изображения.

IV. Фронтиспис Самуила Гроссера (1697)

В логической традиции «Введения в придворную философию», «Введения в учение разума» и «Применения учения разума» Христиана Томазия⁹ и «Доктрины логики»¹⁰ и «Курьезных вопросов о логике»¹¹ Христиана Вайзе их последователь Самуил Гроссер (1664–1736) написал несколько учебников логики, причем как на немецком языке, так и на латыни. Первым из всех компендиумов у него появился немецкий учебник «Основательные указания к логике для благородных и других

⁷К сожалению, доступное мне качество изображения не позволяет прочесть сам текст на золотом руно и на борту корабля.

⁸См. подробное описание (Schemmel 2001: 46–47; Appuhn-Radtke 2020).

⁹См. о логике Томазия (Круглов 2018: 161–174).

¹⁰Первое издание — (Weise 1680), последнее известное мне издание — (Weise 1731).

¹¹Первое издание — (Weise 1696), второе издание — (Weise 1714).

молодых людей, которые из-за их положения или будущей профессии не могут пускаться во все глубокомысленные тонкости, изложенные в отчетливых вопросах и правильных ответах»¹², а уже на закате карьеры у него был опубликован еще один, но уже латинский учебник «*Philosophia instrumentalis*» (1732) (Großer 1732).

Однако наибольшую известность Гроссеру принес все же первый латинский трактат по логике «Маяк рассудка», причем не в последнюю очередь благодаря названию и фронтиспису. Первое его издание появилось в 1697 году, а последнее, седьмое, последовало уже год спустя после смерти автора, в 1737 году¹³. Перевод полного заглавия произведения буквально привести весьма непросто, в моей же адаптации оно гласит: «Маяк рассудка, или эклектическая логика, благодаря методу ново-старого преподавания подходящая для применения здоровым человеческим разумом и усвоения увлеченной схоластикой молодежью. С приложением обозримой таблицы и указателей, а также кратким изложением основных положений так, что описание побережья на протяжении всего курса „Ноонаутики“ дано как приятный отчет о путешествии к идеалу мифической философии». Как и «Придворную философию» Томазия или «Доктрину логики» Вайзе, «Маяк рассудка» украшает впечатляющий фронтиспис, составляющий с заглавием единое целое.

Между тем, сам логический трактат ничуть не объясняет ни заглавие, ни фронтиспис — в нем Гроссер говорит исключительно о «логике» (*logica*), а выражение «маяк рассудка» как таковое здесь вовсе не встречается, хотя с рассудка как «объекта» логики Гроссер и начинает свое произведение. Объяснение этому странному обстоятельству находится в приложении к собственно логическому тексту под заголовком «Описание побережья на пути следования „Ноонаутики“ к идеалу новой мистической философии, выполненное приятным образом в виде приспособленного отчета, волнующего ум и пробуждающего внимание»¹⁴. Стремясь приблизить логику к «придворному» сословию, сделать ее более доступной, освобожденной от значительного слоя схоластики, Гроссер решает в духе активно пропагандируемой ныне в нашей стране методы увлечь своих не особо подготовленных читателей игрой и развлечением, пытаясь изложить свои основные логические идеи в виде описания путешествия некоего корабля разума «Ноонаутика». Вдохновлялся он при этом сравнением с путешествием аргонавтов за золотым руном (Großer 1737: 297). Тем не менее, саму идею подобного изложения Гроссер обнаруживает в «Грамматической войне» (1534) сподвижника Мартина Лютера, теолога Иоганна Шпангенберга (Großer 1737: 294). Впрочем, это произведение не было оригинальным, а уже являлось некоей адаптацией первопроходца на этом пути, итальянского ученого

¹²Первое издание — (Großer 1696), шестое издание — (Großer 1729).

¹³Первое издание — (Großer 1697), седьмое издание — (Großer 1737).

¹⁴«*Periplus itineris Noonautici, in novum mythicae philosophiae specimen, amoena recensione animus exhilarandis atque excitandis sedulo accomodata, descriptus*» (Großer 1737: 293).

Андреа Гварны, написавшего свою «Грамматическую войну» еще в 1511 году¹⁵. Незадолго до выхода «Маяка рассудка» появилось немецкое издание «Грамматической войны» Шпангенберга, вероятно, знакомое Гроссеру: «Грамматическая война, т. е. очень искусное и занимательное описание войны, которую за победу на поле грамматики ведут друг против друга два короля — существительных и глаголов» (Spangenberg 1663).

Не ознакомившись с «Описанием побережья...», т. е. приложением к трактату Гроссера о маршруте ноонавтов как пути логики обыденного рассудка, понять его заглавие оказывается весьма затруднительным. И здесь приходит на помощь иллюстрация в виде фронтисписа¹⁶, призванная донести основную мысль читателю еще до чтения всего трактата, при первом же знакомстве [см. рис. 13].

В основании иллюстрации изображен город истины Алетополис (Alethopolis), в гавани которого возвышается высокая башня маяка рассудка. В гавань города истины приплывает, несомый ветром, парусный корабль разума «Ноонаутика» (Noonautica). Путь в гавань ведет, словно между Сциллой и Харибдой, между двумя скалистыми рифами — заблуждений (scoruli errorum) и незнания (scoruli ignorantiae) — по волнам предрассудков (fluctus praejudiciorum), и помогает найти фарватер здесь искусственный свет маяка рассудка, искусственной логики. Много в этом изображении остается непонятным: откуда приплыли ноонавты, чем руководствовались они в открытом море, в котором не было видно света маяка, как соотносится разум и рассудок... Тем не менее, образ искусственного света логики как путеводного ориентира истины разумных путешественников, борющихся с предрассудками, заблуждениями и незнанием, весьма ясен. Ничего подобного и близко не случается при чтении одного лишь заголовка.

Изображение Гроссера в некоторых чертах приближается к плакату Шерона — и там, и там мы находим краткие словесные подписи без приведения развернутых тезисов. Однако если в случае Шерона удивительно подробным и необозримым оказывалось само изображение, то у Гроссера таковым предстает заглавие, то время как иллюстрация фронтисписа не только гораздо ближе плакатным тезисам в духе Кёрнера, но и превосходит подобные примеры по своей лаконичности — хотя бы уже потому, что здесь отсутствуют посторонние персонажи в виде патронов и покровителей. Но и от Шерона, и от Кёрнера фронтиспис Гроссера отличает претензия на некий оригинальный и новаторский характер в понимании логики, противопоставленный старым и новым «сектантским» трактовкам.

¹⁵См. отрывки в русском переводе: (Гварна 2016: 122–139).

¹⁶Впервые его толкование дано В. Шнайдерсом (Schneiders 1990: 58–59).

Рис. 13: Фронтиспис издания: *Großer S. Pharus Intellectus sive Logica Electiva, Methodo neo-veterum Praeceptis & sanae rationis usui sano congrua ad captum Iuventutis Scholasticae digesta*. Leipzig, 1697

Наряду с этим, фронтиспис Гроссера показывает, что сама эта традиция во многом наследует «Новому Органону» Бэкона. Еще Кант ко второму изданию

«Критики чистого разума» взял эпитафию именно из Бэкона (Kant 1787: В II; Кант 1994: 5). Поколение же Гроссера явно находилось еще под впечатлением гравированного титульного листа «Нового Органона» — в то время само понимание фронтисписа как самостоятельного иллюстративного сопровождения титульного листа, насколько можно судить, еще не сложилось, по причине чего мы еще имеем симбиоз иллюстрации и заглавия, что несколько напоминает плакатные тезисы. Если же сконцентрироваться на одном только изображении у Бэкона — а это вновь изображение корабля, то мы увидим две колонны — Геркулесовы столпы как пределы известного мира, охраняющие вход в неизвестный мир. Судя по цитате из книги пророка Даниила, путь за знанием в этот неизвестный мир ожидает многих: «...сокрой слова сии и запечатай книгу сию до последнего времени; многие прочитают ее, и умножится ведение» (Дан. 12:4, *Multi pertransibunt et augebitur scientia*). И здесь познание уподобляется морскому путешествию, географическим открытиям: один парусный корабль, нагруженный обретенными знаниями, возвращается на переднем плане изображения, в то время как в глубине виден удаляющийся парусник, еще только отправившийся за новыми знаниями. Но при всей внешней схожести картин и некоей парадигмальности гравированного титульного листа Бэкона для фронтисписов немецких логиков несомненны и отличия Гроссера от своего знаменитого предшественника: его «Ноонаутика» следует правильному маршруту, направляемая светом маяка рассудка, и в этом следовании задаваемым правилам и состоит важнейшая функция логики. Для Бэкона же чтение в книге природы ради обретения нового знания во многом подстегивается и поддерживается самой природой, помогающей страждущему новых знаний в безбрежном океане неизведанного.

Фронтиспис Гроссера относится к начальному этапу расцвета этой традиции среди немецких логиков эпохи Просвещения. На примере эволюции отдельных декоративных изображений до плакатов-листовок и плакатных тезисов, редуцированных затем до фронтисписов, было показано, как постепенно сложилась сама практика использования такого рода иллюстраций. В конце XVII — первой половине XVIII веков на протяжении нескольких десятилетий довольно острая полемика по вопросу о предмете, функциях и задачах логики между Хр. Томазием, Хр. Вольфом, Хр. Вайзе, А. Рюдигером, И. Г. Дарьесом, Хр. А. Крузием и др. велась не только вербально, но и визуально, в форме фронтисписов как главной, а иногда и единственной иллюстрации во всем философском или логическом трактате, наглядно выражающей ключевую мысль всего произведения в целом. К середине XVIII века, когда накал остроты в полемике о предмете логики стал спадать в силу складывания определенных конвенций, фронтисписы все чаще стали представлять собой портреты авторов трактатов, а затем и вовсе пропадать из книг. Однако детальный философский анализ фронтисписов логических трактатов эпохи немецкого Просвещения является предметом уже особого исследования.

Литература

- Вольф 2001 — *Вольф Хр.* Разумные мысли о Боге, мире и душе человека, а также о всех вещах вообще, сообщенные любителям истины Христианом Вольфом (³1725) // Христиан Вольф и философия в России / под ред. В. А. Жучкова. СПб., 2001, 2001. С. 230–358.
- Гварна 2016 — *Гварна А.* Грамматическая война, или Новый труд грамматики, изложенный сжато и с удивительным искусством // Науки о языке и тексте в Европе XIV–XVI веков / под ред. Ю. В. Ивановой, М. В. Шумилина. М., 2016, 2016. С. 122–139.
- Кант 1994 — *Кант И.* Критика чистого разума. М., 1994, 1994.
- Круглов 2018 — *Круглов А. Н.* «Vernunftlehre» и «Logik» в немецкой философии XVIII века и задачи логики в эпоху Просвещения. Часть I // Вопросы философии. 2018. № 9. С. 161–174..
- Albrecht 1994 — *Albrecht M.* Eklektik. Eine Begriffsgeschichte mit Hinweisen auf die Philosophie- und Wissenschaftsgeschichte. Stuttgart-Bad Cannstatt, 1994.
- Appuhn-Radtke 2020 — *Appuhn-Radtke S.* Thesenblatt // RDK Labor. URL: <http://www.rdklabor.de/w/?oldid=104457> (accessed: 25.05.2020).
- Arnheim 1969 — *Arnheim R.* Visual Thinking. London, 1969.
- Berger 2017 — *Berger S.* The Art of Philosophy. Visual Thinking in Europe from the Late Renaissance to the Early Enlightenment. Princeton, 2017.
- Berger 2018 — *Berger S.* Reflection: Engraving Pleasure in Philosophy Teaching Aids // Pleasure. A History / ed. by L. Shapiro. Oxford, 2018, 2018. P. 94–98.
- Bredenkamp 2007 — *Bredenkamp H.* Thomas Hobbes's Visual Strategies // The Cambridge Companion to Hobbes's Leviathan / ed. by P. Springborg. Cambridge, 2007. P. 30–33.
- Chéron 1622 — *Chéron J.* Typus necessitatis logicae ad alias scientias capessendas. Paris. URL: <https://dpul.princeton.edu/pudl0135/catalog/rj4307317> (дата обращения: 25.05.2020), 1622.
- Chéron 1657 — *Chéron J.* Examen de la théologie mystique: qui fait voir la différence des lumières divines de celles qui ne le sont pas, & du vray, assuré & catholique chemin de la perfection de celui qui est parsemé de dangers, & infecté d'illusions. Et qui montre qu'il n'est pas convenable de donner aux affections, passions, délectations & goûts spirituels, la conduite & l'ame, l'ostant à la raison & à la doctrine. Paris, 1657.
- Crusius 1766 — *Crusius Chr. A.* Entwurf der nothwendigen Vernunft-Wahrheiten, wiefern sie zu den zufälligen entgegen gesetzt werden. Leipzig, ³1766.
- Großer 1696 — *Großer S.* Gründliche Anweisung zur Logica, vor Adelige oder andere Junge Leute, die sich, Ihres Standes oder künftigen Profession wegen, nicht in alle tieffsinnige Subtilitäten stecken können; in Deutlichen Fragen und Richtigen Antworten vorgetragen. Budisün, ¹1696.
- Großer 1697 — *Großer S.* Pharus Intellectus sive Logica Electiva, Methodo neo-veterum Praeceptis & sanae rationis usui sano congrua ad captum Iuventutis Scholasticae digesta. Accessit Tabula Synoptica, cum Indice ac Summulis: ut & Periplus totius Cursus Noonautici, ad indolem Philosophiæ Mythicæ amœnâ recensione descriptus. Leipzig, ¹1697.

- Großer 1729 — *Großer S.* Gründliche Anweisung zur Logica, vor Adeliche oder andere Junge Leute, die sich, Ihres Standes oder künftigen Profession wegen, nicht in alle tieffsinnige Subtilitäten stecken können; in Deutlichen Fragen und Richtigen Antworten vorgetragen. Budisün, ⁶1729.
- Großer 1732 — *Großer S.* Philosophia instrumentalis juventutis gymnasticae statui et captui accommodata, eaque, qua decet, perspicuitate, et, qua licnit, soliditate concepta. Leipzig, 1732.
- Großer 1737 — *Großer S.* Pharus Intellectus sive Logica Electiva, Methodo neo-veterum Praeceptis & sanae rationis usui sano congrua ad captum Iuventutis Scholasticae digesta. Accessit Tabula Synoptica, cum Indice ac Summulis: ut & Periplus totius Cursus Noonautici, ad indolem Philosophiae Mythicae amonã recensione descriptus. Leipzig, ⁷1737.
- Kant 1781 — *Kant I.* Kritik der reinen Vernunft. Riga, 1781.
- Kant 1787 — *Kant I.* Kritik der reinen Vernunft. Riga, 1787.
- Lemanski 2017 — *Lemanski J.* Periods in the Use of Euler-Type Diagrams // Acta Baltica Historiae et Philosophiae Scientiarum. 2017. Vol. 5., no. 1. P. 50–69.
- Lemanski 2018 — *Lemanski J.* Logic Diagrams in the Weigel and Weise Circles // History and Philosophy of Logic. 2018. Vol. 39. P. 3–28.
- Martinich 2003 — *Martinich A. P.* The Two Gods of Leviathan: Thomas Hobbes on Religion and Politics. Cambridge, 2003.
- Risse 1970 — *Risse W.* Die Logik der Neuzeit. Bd. 2. Stuttgart-Bad Cannstatt, 1970.
- Schemmel 2001 — *Schemmel B. (Hg.)*. Die Graphischen Thesen- und Promotionsblätter in Bamberg. Wiesbaden, 2001.
- Schneider 2008 — *Schneider P.* Rescue Attempts: Scientific Images and the Mysteries of Power in the Era of Louis XIV // Philosophies of Technology: Francis Bacon and His Contemporaries / ed. by C. Zittel, R. Nanni, G. Engel, N. Karafyllis. Leiden, 2008. P. 539–571.
- Schneiders 1990 — *Schneiders W.* Hoffnung auf Vernunft. Aufklärungsphilosophie in Deutschland. Hamburg, 1990.
- Spangenberg 1663 — *Spangenberg J.* Bellum Grammaticale; Das ist: eine sehr Artige und Kurtzweilige Beschreibung deß Kriegs / den beede König der Nominum und Verborum, in der Landschaft Grammatic, um den Vorzug mit einander geführt: Vor Jahren von J. Spangenberg Lateinisch heraus gegeben / Anizo aber auch allen der Grammatic und Lateinischen Sprach Liebhabern / absonderlich aber der Jugend gefallen / in die Teutsche Sprach übersetzt, und in gewisse Capita eingetheilt / durch J.-G. Seybolden. Schwäbisch Hall, 1663.
- Weise 1680 — *Weise Chr.* Doctrina Logica, Duabus Partibus sic comprehensa, Ut Prior Notitiam Propositionum, Syllogismorum & Terminorum Simplicium; Posterior Ipsam Praxin, in Definitione, Divisione, Demonstratione, Methodo, Interpretatione & Disputatione necessariam exhibeat: Exemplis ut plurimum Politicis illustrate, Rebusque Oratoriis sedulo accomodata. Zittau, ¹1680.
- Weise 1696 — *Weise Chr.* Curieuse Fragen über die Logica Welcher gestalt die unvergleichliche Disciplin Allen Liebhabern der Gelehrsamkeit, sonderlich aber von einem Politico

deutlich und nützlich soll erkennet werden / In Zweyen Theilen, Der anfänglichen Theorie, und der nachfolgenden Praxi zum besten Durch gnugsame Regeln / und sonderliche Exempel ausgeführet. Leipzig, ¹1696.

Weise 1714 — *Weise Chr.* Curieuse Fragen über die Logica Welcher gestalt die unvergleichliche Disciplin Allen Liebhabern der Gelehrsamkeit, sonderlich aber von einem Politico deutlich und nützlich soll erkennet werden / In Zweyen Theilen, Der anfänglichen Theorie, und der nachfolgenden Praxi zum besten Durch gnugsame Regeln / und sonderliche Exempel ausgeführet. Leipzig, ²1714.

Weise 1731 — *Weise Chr.* Doctrina Logica, Duabus Partibus sic comprehensa, Ut Prior Notitiam Propositionum, Syllogismorum & Terminorum Simplicium; Posterior Ipsam Praxin, in Definitione, Divisione, Demonstratione, Methodo, Interpretatione & Disputatione necessariam exhibeat: Exemplis ut plurimum Politicis illustrate, Rebusque Oratoriis sedulo accomodata. Leipzig, 1731.

Wolff 1754 — *Wolff Chr.* Vernünfftige Gedancken von den Kräfften des menschlichen Verstandes und ihrem richtigen Gebrauche in Erkänntnis der Wahrheit. Halle, ¹⁴1754.

Zedler 1735 — Grosses vollständiges Universal-Lexicon Aller Wissenschaftten und Künste / verlegt von J. H. Zedler. Bd. 9. Leipzig, 1735.